



Алексей  
Кара-Мурза



# Знаменитые русские Неаполе

БАТЮШКОВ · ЩЕДРИН · КИПРЕНСКИЙ  
БРЮЛЛОВЫ · ВЯЗЕМСКИЙ · ЖУКОВСКИЙ  
ПОГОДИН · АЙВАЗОВСКИЙ · СОЛОВЬЕВ  
БАРАТЫНСКИЙ · ЯКОВЛЕВ · ТУРГЕНЕВ  
ГОГОЛЬ · ГЕРЦЕН · АКСАКОВ · ЧИЧЕРИН  
СУРИКОВ · НЕСТЕРОВ · ЧЕХОВ · ГЛАГОЛЬ  
АННЕНСКИЙ · ЛУХМАНОВА · ШАЛЯПИН  
РОЗАНОВ · ГУМИЛЕВ · ГОРЬКИЙ · ЛЕНИН  
АНДРЕЕВ · ЛОПАТИН · ОСОРГИН · БУНИН  
МУРАТОВ · ДОБУЖИНСКИЙ · ВЕЙДЛЕ

Алексей Кара-Мурза  
**Знаменитые русские о Неаполе**

«Издательство Ольги Морозовой»

2016

УДК 821.111.3

ББК 63.3(2)я48-7+63.3(4Ита)-7

### **Кара-Мурза А. А.**

Знаменитые русские о Неаполе / А. А. Кара-Мурза —  
«Издательство Ольги Морозовой», 2016

ISBN 978-5-98695-064-8

Жители Неаполя обожают миф о происхождении своего города: „Когда Бог раздавал земли, неаполитанцы опоздали и им ничего не досталось. Тогда Господь подарил им кусочек Рая“. В божественное происхождение Неаполя и его окрестностей веришь, когда видишь неаполитанские грозы и сомневаешься, когда узнаешь плутоватых и азартных неаполитанцев. Веришь, когда местные рыбаки запросто вылавливают акул, и снова сомневаешься, когда от острого запаха раковин, лимонных корок и вина невыносимо болит голова. Для иностранных путешественников пышный и прекрасный Неаполь долго был пикантным дополнением к путешествию, но никак не целью. Лишь с XIX века сюда, в места *dolce famiente* („сладостного ничегонеделания“), потянулись художники, писатели, философы и историки. В книге Алексея Кара-Мурзы собраны уникальные материалы о пребывании в Неаполе, Сорренто, Каstellамаре, на острове Капри известных деятелей русской культуры и искусства XIX–XX вв. – Сильвестра Щедрина, Ивана Тургенева, Василия Розанова, Максима Горького, Николая Гумилева, Павла Муратова.

УДК 821.111.3

ББК 63.3(2)я48-7+63.3(4Ита)-7

ISBN 978-5-98695-064-8

© Кара-Мурза А. А., 2016

© Издательство Ольги  
Морозовой, 2016

## Содержание

Русский Неаполь. Земной рай у подножия вулкана	8
Часть первая	14
Константин Николаевич Батюшков	14
Сильвестр Феодосиевич Щедрин	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

# **Алексей Кара-Мурза**

## **Знаменитые русские о Неаполе**

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы "Культура России"*

© Издательство Ольги Морозовой, 2016

© А. Кара-Мурза, 2016

© Д. Черногаев, оформление, 2016

\* \* \*



## Русский Неаполь. Земной рай у подножия вулкана

*Vedi Napoli e poi muori*  
**Итальянская поговорка**

Известная русская писательница начала прошлого века Надежда Александровна Лухманова, много путешествовавшая по Европе, лишь об одном увиденном ею городе написала целую книгу – надо заметить, блестящую. Этим поразившим ее городом был Неаполь: «Неаполь так отличается от всех виденных мною городов, что, мне кажется, там особый мир... Тут соединение комфорта и совершенной простоты. Живешь как в большом городе и между тем – среди природы... Нигде не чувствуешь себя, как здесь, царем природы, человеком, которому подвластны и море, и земля, и горы; нигде не чувствуешь себя таким ничтожеством, робким маленьким созданием Божьим, которому нужна защита и покровительство...»

Иностранные путешественники, в том числе и русские, не сразу оценили смысл и самостоятельное значение Неаполя. Для них он очень долго оставался лишь приятным легким десертом, неким необязательным, хотя и пикантным, дополнением к уже, казалось, освоенным вершинам итальянской культуры. Действительно, к Неаполю вряд ли приложима идея «паломничества», столь характерная для поездок в Рим, Флоренцию, Венецию, Равенну. «*Vedi Napoli e poi muori*» («Посмотри Неаполь – и умри») – популярное изречение, неизменно присутствующее во всех путевых заметках, воспринимается скорее как удовлетворенная итоговая констатация пресыщенного гурмана, уже отведавшего основные блюда местной кухни и заказавшего напоследок рюмку траппы. Неаполь почти никогда не воспринимался как цель итальянского путешествия; как правило, он – лишь его конечная точка, даже если круговой билет по стране – «*circolare*» – затем снова, уже перед окончательным отъездом из Италии, приводил путешественника в Венецию, Милан или Геную.

### I

Как самый южный пункт итальянского путешествия (еще южнее, к Бари или Сицилии, доезжали немногие), Неаполь и его окрестности поражали пришельцев с севера прежде всего райской щедростью тропической природы, роскошью и интенсивностью ее порождений. На художника Сильвестра Щедрина незабываемое впечатление произвел размер рябиновых ягод в Сорренто: «Дерево точно как и наше, а ягоды – величиной с большой грецкой орех!» Николай Гоголь, в свое время воодушевленный римским воздухом, солнцем, небом, впервые побывав в Неаполе, был восхищен еще более: «Небо здесь светло-голубого цвета, но такого яркого, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Свет от солнца необыкновенный». Историк Михаил Погодин изумился обилию и разнообразию цветов на неаполитанской Villa Reale: «Какие, какие цветники!» Там же, на Villa Reale, поэт Евгений Баратынский был очарован сочной зеленью неаполитанской листвы: «Лист здешних деревьев живописует все оттенки счастья!» Ему вторит другой поэт – Иннокентий Анненский: «Я не думал, что вид воды может доставить столько разнообразных и прекрасных впечатлений... Я таких деревьев, такой зелени никогда не видал... Но особенно хорош туман, не тот противный туман, среди которого мы натываемся на фонари и тумбы, а теплый, романтический туман, то голубой, то серебряный...» А художника Мстислава Добужинского застала врасплох огромной силы неаполитанская гроза, и он так и застыл посередине набережной, «не в силах оторваться от феерического зрелища летающих лент розовых молний в гигантской пепельно-лиловой туче...». Еще в начале XIX в. Константин Батюшков поразились красоте и некоему скрытому смыслу неаполитанского звездного неба: «Ночью небо покрывается удивительным сиянием... Млечный Путь здесь в ином

виде, несравненно яснее. В стороне Рима из моря выходит страшная комета, о которой мы мало заботимся...» Спустя полвека загадочный небосвод – на этот раз над Сорренто – увлек Ивана Тургенева: «Луна светила невероятно ярко; большие лучистые звезды так и шевелились...» Наконец, уже в 1900-е, предреволюционные годы «каприйский мечтатель» Максим Горький любил по ночам водить своих гостей на вершины Monte Tiberio или Monte Solaro, чтобы наблюдать звездный небосвод над Капри. То были в большинстве своем русские эмигранты (среди них, как минимум, три будущих большевистских наркома – Луначарский, Красин, Держинский), не слишком религиозные, но социально нетерпеливые и потому предельно чувствительные к природным предзнаменованиям. Особый восторг эти русские испытывали в моменты, когда огромное ночное небо прорезали падающие звезды и хвостатые кометы, почему-то особенно яркие и частые в начале XX столетия. Впереди грезилась какая-то новая эра, и не было уже границ футуристическим мечтам и фантазиям: «Со временем мы, люди, будем заглядывать за пределы нашей атмосферы и смотреть на кометы вблизи. Будем мы также ходить по дну моря, среди водорослей, скал и погибших кораблей – такие легкие прогулки по праздникам...» (из письма Горького Л. Андрееву, сентябрь 1907 г.).

Сила неаполитанских природных эффектов была столь впечатляюща, что даже писатель-философ Василий Розанов, на родине вроде бы не замеченный в склонности к революционаризму и мегаломании, восхитившись на Капри Лазурным гротом, возмечтал о строительстве нового, искусственного грота-дворца колоссальных объемов: «Едва выплыв назад, я стал думать, что, собственно, ничего не стоит при теперешних средствах техники повторить это чудо природы в огромных размерах. Природа показала путь, а человек может пойти за нею и создать не миниатюрно-прекрасное, но огромно-волшебное... Порох может вырвать из груди Капри не грот, а зал, систему залов, дворец. Вырвать полгруды из камня и вырвать другую половину ее из моря. Все будет то же! Сохранится синева стен и потолка; а главное – эта же вода, лазурная уже снаружи, вокруг острова, будет и в его внутренних залах. До чего просто, и отчего никто не попытается?!»

## II

В отличие от Рима, Флоренции, Венеции, Пизы, Сьены, в Неаполе сегодня трудно представить себе тот архитектурный ландшафт, каким он увиделся нашим соотечественникам полтора-два столетия – сто лет тому назад. Это неизбежный удел всех крупных приморских городов; современная портовая инфраструктура переиначила неаполитанскую гавань до неузнаваемости. Давно уже нет набережных Кьяйя и Санта-Лючия, которые так любили описывать Батюшков, Баратынский, Муратов, Добужинский, которые так удавались кисти Щедрина, положившего начало целой художественной школе.

Но главное: крепко заснул после последнего извержения 1944 г. Везувий – основной (пренсипальный, как говаривали на западный манер в позапрошлом веке) элемент неаполитанского пейзажа. А ведь вулкан бодрствовал весь XIX и первую половину XX века, и многие персонажи данной книги (Батюшков, Щедрин, Гоголь, Герцен, Горький, Осоргин) встречали совсем иной Везувий, нежели мы, – Везувий активный, тревожный, будоражащий воображение. Степень активности вулкана была разной, но в любом случае она была несравнима с теперешней: «Везувий весь в огне по ночам» (Батюшков, 1819); «Перемена форм дыма от непрерывного извержения, равно и перемена освещения и красок – зрелище ни с чем не сравненное...» (Щедрин, 1828); «Огромнейший фейерверк, который не перестает ни на минуту. Давно уже он не выбрасывал столько огня и дыма. Громы, выстрелы и летящие из глубины его раскаленные красные камни, все это – прелесть!» (Гоголь, 1838); «Вдруг вся громада Везувия страшно дрогнула, и широкий сноп ослепительного огня вырвался из жерла... Багровые шары высоко взлетели к небу посреди огненного дождя пепла» (Яковлев, 1847); «По мере того как

садилося солнце, дым над жерлом Везувия краснел и струйка каленой и расплавленной лавы медленно стекала по горе» (Герцен, 1848).

Интеллектуальная впечатлительность приезжих питалась не только мерцающей по ночам лавой Везувия, но и мертвыми остовами погибших под пеплом Помпей и Геркуланума. Рядом были и другие сильные раздражители: беспокойный вулканический остров Искья; крутые скалы Мизенского мыса и полумифологической Капреи (Капри); античные развалины в Вайях, Поццуоли, на соррентийском мысу; дымящиеся сольфатары Флегрейских полей; легендарные озера Лукрино и Аверно, где, по словам Вергилия, находился вход в ад, – все вместе это порождало особый культурно-психологический настрой, стимулирующий тягу к творческим экспериментам.

Не случайно именно неаполитанские берега побудили русских художников к масштабным историко-аллегорическим проектам. Уже немолодой Орест Кипренский сделал в Неаполе свою последнюю большую ставку: картина «Сивилла Тибуртинская» – о древней пророчице, предсказавшей цезарю Августу пришествие мессии. К несчастью для великого портретиста, искушение новой художественной формой не оправдалось – неаполитанская «Сивилла» обернулась в итоге самой большой неудачей художника. Зато в полной мере оправдался риск Карла Брюллова: замысленный на берегах Неаполитанского залива (хотя и написанный потом в Риме) «Последний день Помпеи» стал всеевропейским триумфом русской исторической живописи.

### III

Надежда Лухманова сказала как-то о неаполитанцах: «Смех и слезы, религиозный экстаз и самый грубый реализм, мольба и злобная вспышка так мало разграничены у итальянцев, что даже не знаешь, где кончается одно и начинается другое». Нечто подобное писал позднее Николай Бердяев о противоречивости («антиномичности») «русской души». А в статьях и письмах Герцена можно найти просто текстологические совпадения в характеристиках и русских, и неаполитанцев: «Не умеем уладить ни внутреннего, ни внешнего быта... лишнее требуем, лишнее жертвуем... возмущаемся против естественных условий жизни и покоряемся произвольному вздору...»

Любопытно, что, сами того не замечая, многие русские гости произвольно начинают сравнивать неаполитанский берег с родной Россией. Гоголь любовно называет Неаполь Семереньками; Баратынский уподобляет нищих неаполитанских лаззарони русским блаженным... Но есть и совсем очевидные параллели: колоннаду неаполитанского собора San Francesco di Paola редко кто из русских наблюдателей не сравнил с Казанским собором в Санкт-Петербурге. Ну а уж кони Клодта перед воротами Palazzo Reale – один к одному такие же, как и на Аничковом мосту...

Если даже повседневный Неаполь своим *«неудержимым натиском жизни»* (выражение П. Муратова) неумолимо вовлекал близких по духу русских в атмосферу всеобщего возбуждения, то что же говорить о самих неаполитанских праздниках! В «Письмах из Италии» Сильвестра Щедрина, педантично записывавшего свои неаполитанские впечатления, то и дело встречаются фразы такого типа: «Весь город как будто сошел с ума; везде стреляли из пистолетов, пускали разные фейерверки; везде народ прискакивал от шутих, пускаемых по земле...»

Очень схожи сделанные почти через столетие зарисовки Павла Муратова: «Живя в Неаполе, начинаешь понимать, какое непреодолимое отвращение от всего будничного, упорядоченного и правильного заложено в этом народе... Когда нет более значительных ресурсов веселья, он в воскресенье вечером раскладывает на перекрестке костер... Чтобы вышло как можно шумнее, туда бросают хлопушки... Зрелище получается действительно очень красивое, когда смотришь с какого-нибудь высокого места на огромный город и видишь вспыхивающие в синеве вечера бесчисленные костры, выбрасывающие высоко оранжевый дым и золотые

искры». И далее – явная параллель с родным, отечественным отношением к жизни: «При такой врожденной любви к беспорядку естественно, что этот народ с трудом поддается основанной на законе гражданственности...»

Максим Горький, певец «русского босячества», искренно полюбил веселых и беззаботных неаполитанских лазарони. Он вообще ценил «живое творчество масс» и полагал умение сделать из жизни праздник одним из главных достоинств человека. В каком-то смысле понятия «революция», «социализм» были для Горького синонимами «праздника». Вот как он описывал одно из спонтанно родившихся, а потому особо для него ценных каприйских веселий: «Собственно говоря, праздника никакого не полагалось по святцам, но была хорошая погода, и люди сочли это достаточно серьезной причиной для безделья и радости. Какой они устроили фейерверк изумительный!.. На горе, темной ночью, огонь играл целые симфонии. Целый день гремела музыка, народишко шлялся по острову и орал, как пьяный...» И тут же делает абсолютно логичный для себя вывод: «Итальянцы будут хорошими социалистами, мне кажется».

Владислав Ходасевич, в середине 1920-х проживший несколько месяцев в Италии рядом с Горьким, стараясь проникнуть в психологию «первого пролетарского писателя», вспоминал, что Горький как-то по-особому ревниво относился к итальянским празднествам с их музыкой и трескотней фейерверков. По вечерам он выходил на обращенную в сторону Неаполя террасу соррентийской виллы «Сорито» и созывал всех смотреть, как вокруг залива, то там, то здесь, взлетают, разрываясь, ракеты и римские свечи: «Горький волновался, потирал руки, покрикивал: „Это в Торре Аннунциата! А это у Геркуланума! А это в Неаполе! Ух, ух, ух, как зажаривают!“»

Ходасевич обратил внимание, что Горькому нравились решительно все люди, «вносящие в мир элемент бунта или хоть озорства, – вплоть до маньяков-поджигателей, о которых он много писал и о которых готов был рассказывать целыми часами»: «Он и сам был немножечко поджигатель. Ни разу я не видал, чтобы, закуривая, он потушил спичку: он непременно бросал ее непотушенной. Любимой и повседневной его привычкой было – после обеда или за вечерним чаем, когда наберется в пепельнице довольно окурков, спичек, бумажек, – незаметно подсунуть туда зажженную спичку. Сделав это, он старался отвлечь внимание окружающих, а сам лукаво поглядывал через плечо на разгорающийся костер. Казалось, эти „семейные пожарники“ имели для него какое-то злое и радостное символическое значение...»

Буйная и непокорная природа, легендарная история Неаполитанского залива делали и для русских праздничное возбуждение неперенным элементом повседневности, провоцировали на опасные приключения. Яркий пример – «экстремальные рыбалки», любимая забава русских на Капри. Недаром самыми большими их друзьями среди островитян были рыбаки из семьи Спадаро, об отчаянной смелости которых ходили легенды и чьи фотографии даже продавались в сувенирных лавках по всему побережью. Во время таких рыбалок считалось особой удачей и доблестью поймать на живца акулу, подтянуть ее к борту, оглушить веслом и втащить в лодку – в любви к этому спорту были замечены многие русские, но особо отличались, конечно, волжане: Горький, Шаляпин, Ленин. Писатель Михаил Коцюбинский описал одну из таких русско-каприйских рыбалок: «Поймано много рыбы, одних акул штук пятнадцать – двадцать (их тут едят)... Наконец, вытащили такую большую акулу, что даже страшно стало. Это зверь, а не рыба. Едва нас не перевернула, бьет хвостом, раскрывает огромную белую пасть с тремя рядами больших зубов, в которой поместились бы две человеческие головы, и светит, и светит зеленым дьявольским глазом, страшным и звериным...»

Или другой пример «русского экстрима» – рискованные походы на лодках в уже упомянутый каприйский Grotta Azzurra, проникнуть в который через маленький проем в скале можно лишь при полном штиле. Между тем тридцатилетний Александр Герцен, например, вместе с молодым генералом-декабристом Алексеем Тучковым рискнули плыть к гроту в непо-

году, взяли к тому же с собой женщин (хотя и не из робких) – и боролись с волнами шесть часов!..

Русский журналист-эмигрант Михаил Осоргин, впоследствии один из классиков русского литературного зарубежья, вообще чудом не погиб, выбираясь из грота при сильной волне. А вот легендарному революционеру-народнику Герману Лопатину, несколько раз бежавшему с русской каторги, побывавшему в жизни во всех мыслимых и немыслимых переделках, увы, не повезло. Всякий раз, бывая на Капри, он стремился попасть в Лазурный грот, однако безуспешно, и эти неудачи, судя по позднейшим письмам, очень долго бередили его гордость и самолюбие.

#### IV

В первой трети XX в. берега неаполитанского залива дважды сыграли исключительную роль в российской культурно-политической жизни. В самом начале столетия небольшой островок Капри стал подлинным интеллектуальным центром русского большевизма во главе с Александром Богдановым. Этот по-своему замечательный человек, философ и социальный мыслитель, долгое время конкурировал с Лениным за лидерство в партии – многие современные исследователи не без оснований называют его одним из основоположников современной теории управления. Группой Богданова вынашивались на Капри планы не верхушечно-заговорщического, а всеобъемлющего, тектонического по масштабу социального переворота, освященного не сектантской верой в вождя и в прямое насилие, а новой «революционной религией». Увлеченные идеями социальной евгеники о выведении «новой породы человека», Богданов и близкие к нему Луначарский и Горький организовали в 1909 г. на Капри «партийную школу», призванную готовить кадры для будущего переворота. Всю жизнь склонный к социальному экспериментаторству, Богданов и погиб в 1928 г. во время неудачного медицинского опыта на самом себе.

Второй раз неаполитанский берег стал одним из культурных центров уже ранней советской социальности – речь, разумеется, идет о «горьковском Сорренто». Горький уехал из Советской России в Италию не как оппонент Сталина (в середине 20-х годов только набирающего силу), а как личный неприятель пока еще всемогущего Зиновьева. Впоследствии Сталин и Горький станут ближайшими, хотя и негласными, союзниками: некоторые проницательные аналитики режима будут даже говорить о «двумвирате Сталина – Горького» – двоевластии политика и литератора. Романтик рабочего активизма, Горький по сути дела стал «теневым идеологом» и форсированной индустриализации, и насильственного раскрестьянивания.

В победившем в России большевистском строе было как бы несколько символических центров. Кремль, как воплощенный символ абсолютной власти... ГУЛАГ, как обратная сторона режима, черная дыра, куда, как в воронку, засасывались истинные и мнимые враги коммунистической стройки... Но был и еще один, третий центр раннего советизма – «горьковский Сорренто».

Кто только из советской литературно-художественной элиты не перебивал у Горького на вилле «Сорито»! Мейерхольд, Прокофьев, Коненков, А. Н. Толстой, Катаев, Леонов, Асеев, Форш, Коган, Уткин, Жаров, Безыменский, Вс. Иванов, Бабель, Гладков, Маршак... Это были люди разной степени таланта, личной порядочности и политического конформизма. Но всех их советский режим без особых проволочек выпускал в Италию, «к Горькому», хорошо зная, что при всем показном фрондерстве для интеллигента нет ничего слаще, чем доверие власти. Сталин умел быть по-кавказски щедрым («других писателей у нас нет...») и был достаточно умен, чтобы в годы своего восхождения к высшей власти создать богемно-интеллектуальную «отдушину», вполне безопасную и крайне полезную для себя. Побывать в Сорренто у Горь-

кого означало пройти обряд инициации, посвящения в клан адептов «соцреализма», получить официальный сертификат «инженера человеческих душ». Горьковский Сорренто в течение нескольких лет оставался «положительным полюсом» раннего советизма, символическим оппонентом уже набравшего силу ГУЛАГа. Он был своеобразным «раем у подножия вулкана» – уже не природного, а социального Везувия, в котором копилась огненная лава репрессий, извергшаяся затем на головы граждан страны-полигона.

Берега Неаполитанского залива оказались в целом счастливым местом для русских. Здесь испытали любовь Сильвестр Щедрин, Иван Тургенев, Владимир Соловьев. Сюда приезжали врачевать душевные раны Василий Жуковский, Петр Вяземский, Борис Чичерин. Чудесами Неаполя и Капри – пока воображаемыми – спасался в ссылках Александр Герцен. А Николай Чернышевский из своей ссылки столь ярко расписывал в письмах жене так никогда и не увиденные им красоты Сорренто, что итальянцы по ошибке внесли его имя на мемориальную доску «русских путешественников»...

«Увидеть Неаполь и умереть» – звучит печально, но возвышенно-романтически. Куда печальней звучит: «Он никогда не видел Неаполя...»

## Часть первая

# Знаменитые русские на берегах неаполитанского залива

### Константин Николаевич Батюшков

Константин Николаевич Батюшков (29.05.1787, Вологда – 19.07.1855, Вологда) – поэт. По мнению биографов Батюшкова, он «в крови носил предрасположение к психозу», ибо среди его родных многие страдали психическими расстройствами (в частности, мать вскоре после рождения Константина сошла с ума и была разлучена с семьей).

В 1797-1802 гг. Батюшков учился в частных петербургских пансионах, где получил гуманитарное образование, изучил французский, итальянский, латинский языки. Большую роль в воспитании будущего поэта сыграл его двоюродный дядя, известный писатель и государственный деятель Михаил Никитич Муравьев – попечитель Московского университета, товарищ министра просвещения; под его наставничеством Батюшков увлекся античной поэзией и литературой итальянского Возрождения – Данте, Петраркой, Боккаччо, Ариосто, Тассо. Поступив на службу (по ведомству народного просвещения), Батюшков стал завсегдатаем литературных салонов; сблизился с Н.М. Карамзиным, В. А. Жуковским, А. Н. Олениным, Н. И. Гнедичем, П. А. Вяземским. Первые поэтические опыты Батюшкова имели успех у читающей публики.

Общее патриотическое движение, возникшее после поражения под Аустерлицем, увлекло Батюшкова, и в 1807 г., когда началась вторая война с Наполеоном, он поступил на военную службу ополченцем, участвовал в прусском походе (в сражении под Гейльсбергом был тяжело ранен – пуля задела спинной мозг). Участник Отечественной войны и заграничного похода 1813-1814 гг.

В 1816 г. неудачи по службе, любовные разочарования и эпизодические вспышки психического расстройства, сопровождавшиеся галлюцинациями, заставили Батюшкова выйти в отставку и уединиться в деревне. В эти месяцы он продолжает писать стихи, занимается переводами с итальянского, мечтает о поездке в Италию. Весной 1817 г. Батюшков писал своему другу Н. И. Гнедичу:

*«„Под небом Италии моей. именно „моей“. У Монти, у Петрарки я это живьем взял... Вообще, итальянцы, говоря об Италии, прибавляют „моя“. Они любят ее, как любовницу. Если это ошибка против языка, то беру на совесть».*

В 1818 г. указом императора Александра I Батюшков был возвращен на службу, получил чин надворного советника и был причислен к русской дипломатической миссии в Неаполе – в те годы столицы Королевства Обеих Сицилий.

Батюшков выехал в Неаполь в ноябре 1818 г. через Варшаву и Вену. В начале 1819 г. застал карнавалы в Венеции, потом в Риме. Исполняя поручение президента Академии художеств А. Н. Оленина, Батюшков взял в Риме покровительство над русскими стажерами, командированными в Италию «Обществом поощрения художников». В феврале 1819 г. в письме Оленину Батюшков выступил с проектом основания в Италии русской художественной Академии:

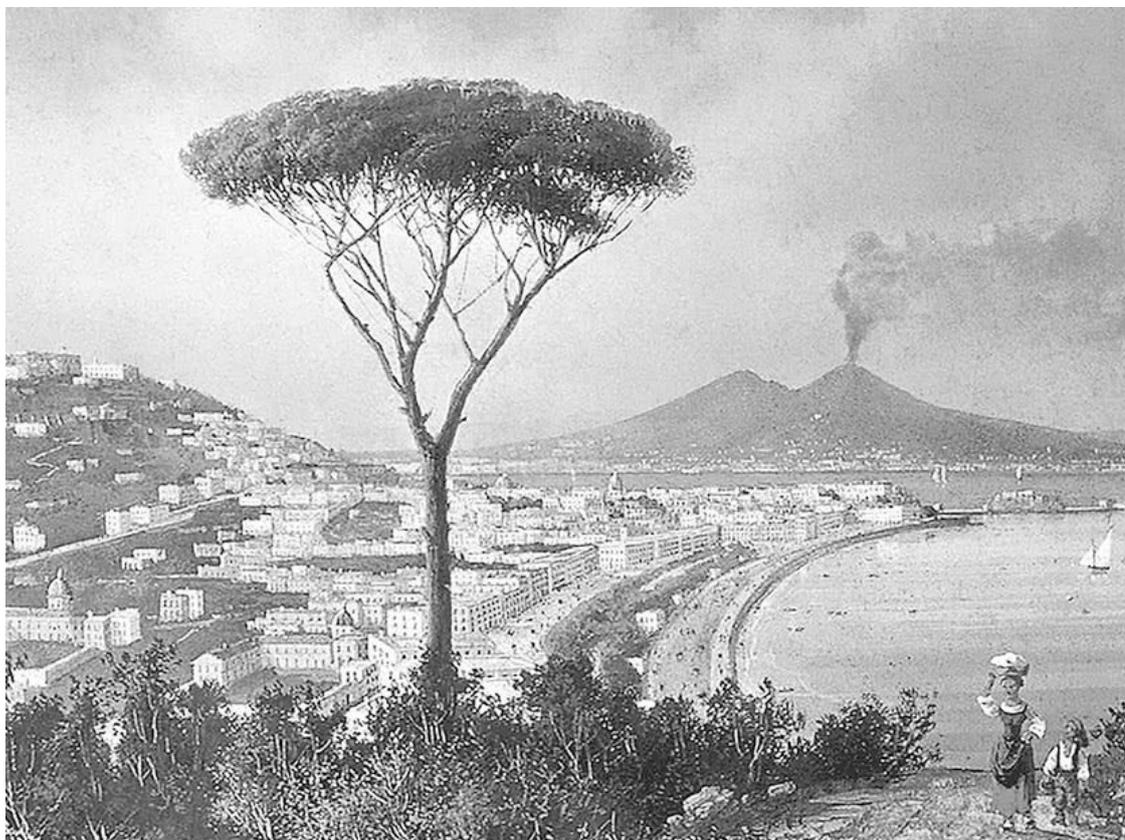
*«Виделся с художниками... Воспитанники Академии ведут себя отлично хорошо и меня, кажется, полюбили... Скажу Вам решительно, что плата, им положенная, так мала, так ничтожна, что едва они могут содержать себя на приличной ноге. Здесь лакей, камердинер получает более. Художник не должен быть в изобилии, но и нищета ему опасна. Им не на что купить гипсу и нечем платить за натуру и модели. Дороговизна ужасная! Англичане*

*наводнили Тоскану, Рим и Неаполь; в последнем еще дороже. Но и здесь «в Риме» втрое дороже нашего, если живешь в трактире, а домом едва ли не в полтора или два раза... Число четырех пенсионеров столь мало, что нельзя и ожидать Академии великих успехов от четырех молодых людей. Болезни, обстоятельства, тысячи причин могут свратить с пути или похитить от художеств: что я говорю, есть суцая правда. Желательно иметь более десяти в Риме. Из десяти два, три могут удалться. Россия имеет нужду в хороших артистах, нужду необходимую, особенно в архитекторах, и я от чистого сердца желаю, чтобы казна не пожалела денег».*

В конце февраля 1819 г. Батюшков приезжает в столицу Королевства Обеих Сицилий и приступает к работе в русской дипломатической миссии. В Неаполе в то время было много русских: сюда приехал путешествовавший по Европе с большой свитой двадцатилетний великий князь Михаил Павлович – младший сын Павла I и брат императора Александра I.

В Неаполе Батюшков поселился на набережной Санта-Лючия и о своих первых впечатлениях о городе написал другу юности А. И. Тургеневу:

*«Точно так, как Тиверии «римский император», которого остров «Капри» пред моим окном, не знал, с чего начать послание свое к сенату, – так я, в волнении различных чувств, посреди забот и рассеяния, посреди визитов и счетов, при непрерывном крике народа, покрывающего набережную, при звуке цепей преступников, при пении полишинелей, лазаронов «неаполитанских нищих» и прачек, не знаю, не умею, с чего начать Вам мое письмо... Каждый день народ волнами притекает в обширный театр восхищаться музыкой Россини и усладительным пением своих сирен, между тем как Везувий, наш сосед, готовится к извержению; говорят, в Портичи и в окрестных местах колодцы начинают высыхать: знак, по словам наблюдателей, что вулкан станет работать...»*



Панорама Неаполя с видом Везувия (рисунок начала XIX в.).

Сопровождая великого князя, Батюшков объездил берега Неаполитанского залива:

*«Четыре недели сряду посвятил на обозрение окрестностей Неаполя, любопытных во всех отношениях, единственных, несравненных. Четыре раза был в Помпеях и два раза на Везувии: два места, которые заслуживают внимание самого нелюбопытного человека...»*

*(Письмо Н. М. Карамзину.)*

*«Два раза лазил на Везувий и все камни знаю наизусть в Помпеях. Чудесное, неизъяснимое зрелище, красноречивый прах!»*

*(Письмо Н. И. Гнедичу.)*

Во время этих поездок Батюшков особенно сблизился с сопровождавшим Михаила Павловича в заграничном путешествии бывшим наставником Александра I, швейцарским ученым и просветителем Фридрихом Цезарем Лагарпом:

*«В бытность великого князя я познакомился с Лагарпом, который бодр телом и духом «в 1819 г. Лагарпу было 65 лет. – А. К.». Он всходил на Везувий без помощи проводника и, к стыду нашему, опередил молодежь...»*

*(Письмо А. И. Тургеневу 24.03.1819.)*

Немало русских осталось в Неаполе и после отъезда Михаила Павловича. Празднества в городе продолжались – на этот раз по случаю прибытия австрийского императора Франца I:

*«Русских туча. Приезд императора был поводом к балам, концертам и гуляньям. Мы часто в мундиры облачаемся»*

*(Письмо Н. И. Гнедичу, май 1819 г.)*

Среди крупных русских вельмож, с которыми ему приходилось тогда общаться в Неаполе почти ежедневно, Батюшков особенно часто называет графа Юрия Александровича Головкина (русского посла в Вене); генерал-фельдмаршала, князя Михаила Семеновича Воронцова; генерала от инфантерии, московского генерал-губернатора Алексея Григорьевича Щербатова; генерала императорской свиты, князя Александра Сергеевича Меншикова... Между тем основной мотив писем Батюшкова в Россию того времени – контраст между чудесной природой Неаполя, всеобщим весельем вокруг и собственным болезненно-меланхолическим настроением:

*«О Неаполе говорит Тассо «Торквато Тассо» в письме к какому-то кардиналу, что Неаполь ничего, кроме любезного и веселого, не производит. Не всегда весело! Не могу привыкнуть к шуму на улице, к уединению в комнате. Днем весело бродить по набережной, осененной померанцами в цвету, но ввечеру не худо посидеть с друзьями у доброго огня и говорить все, что на сердце. В некоторые лета это может быть нуждою для образованного, мыслящего существа... Здесь весна в полном цвете: миндальное дерево покрыто цветами, розы отцветают и апельсины зрелые падают с ветвей на землю, усеянную цветами; но я принимаю слабое участие в пирах людей и природы: живу с книгами и думаю о Вас».*

*(Письмо А. И. Тургеневу 24.03.1819.)*

*«Из моих окон вид истинно чудесный: море, усеянное островами. Он рассеивает мою грусть, ибо мне с приездом очень грустно. Говорят, что все иностранцы первые дни здесь грустят и скучают»*

*(Письмо старшей сестре Александре 1.04.1819.)*

*«Неаполь – истинно очаровательный по местоположению своему и совершенно отличный от городов Верхней Италии. Весь город на улице, шум*

*ужасный, волны народа... Я рад глядеть на людей; дома, особливо одному, по вечерам грустно и скучно. Одно удовольствие – прогулка и этот Везувий, который весь в огне по ночам...»*

*(Письмо Н. И. Гнедичу, май 1819 г.)*

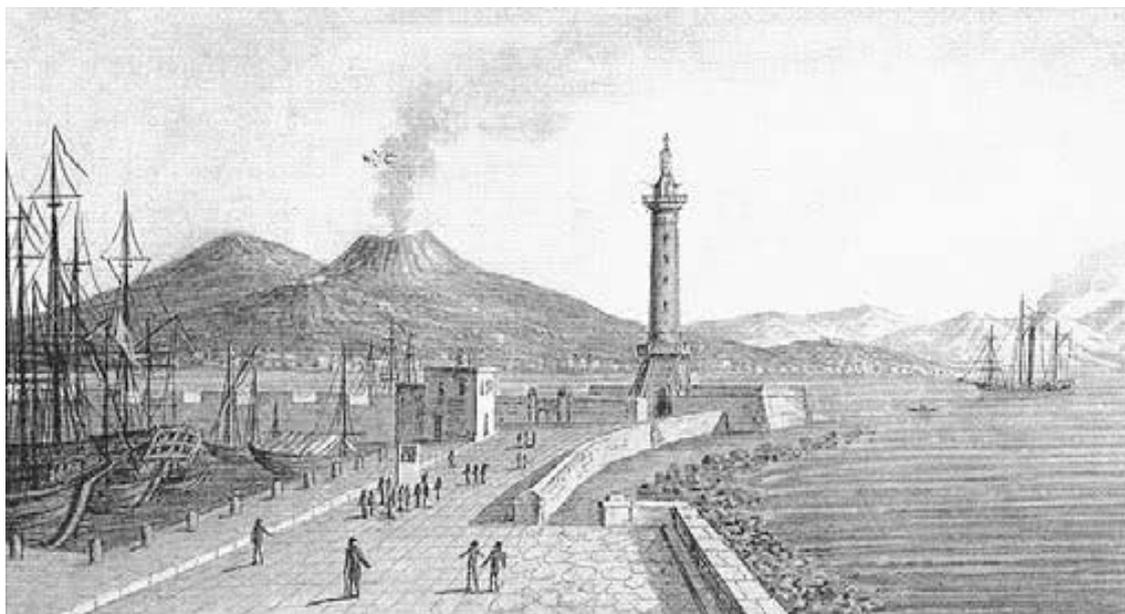
*«В Неаполе, говорят, весело. Я давно веселья не знаю и в глаза. Одно удовольствие – книги. Но чтение меня утомляет, я уже не имею того внимания, с каким в старину мог читать даже и глупости. Осталась во мне еще какая-то жажда все знать, жажда, которую не в силах утолить. Все меня мучит, даже мое закоренелое невежество. Сколько времени потерянного! Но вечера здесь для меня очень бывают скучны. Общество здесь не по мне вовсе. Не с кем обменяться мыслями, не только чувствами. Иностранцы говорят о Везувии, здешние жители – о Сан-Карло и Корсо. Здесь не любят с жаром искусства, науки, но все веселы, бегают, кричат, поют. И это имеет свою прелесть. Всякий счастлив по-своему, и всякий до черного дня наслаждается: они правы.»*

*(Письмо В. А. Жуковскому 1.08.1819.)*

После окончательного разъезда русских из Неаполя Батюшков снимает новую квартиру на Санта-Лючия – меблированные комнаты у француженки Сент-Анж (одно время в этой же квартире вместе с Батюшковым проживал приехавший из Рима пейзажист Сильвестр Щедрин):

*«Нанял прекрасные комнаты у добрых людей, французов. С мебелью и со всем, что нужно, в виду моря, но на таком месте шумном, что насилу могу спать. Говорят, что к шуму можно приучиться, поверю, когда привыкну... «До сих пор не могу привыкнуть и к здешнему шуму, тем более что я живу в стороне города самой шумной, на краю S. Lucia у окон моих вечная ярмонка, стук, и вопли, и крики, а в полдень (когда все улицы здесь пусты, как у нас в полночь) плескание волн и ветер. Напротив меня множество трактиров и купанья морские. На улице едят и пьют так, как у вас на Крестовском, с той только разницею, что если сложить шум всего Петербурга с шумом всей Москвы, то и тут еще это все ничего в сравнении со здешним...»*

*(Письмо Е.Ф. Муравьевой.)*



Панорама Неаполя (гравюра начала XIX в.).

Здоровье Батюшкова в Неаполе, однако, оставляет желать лучшего:

*«Для императора <Франца I> здесь даны были великолепные праздники. На одном из них я великолепно простудился... Страдаю две недели простудой и сижу дома... Надеюсь, что лето избавит меня от этой простуды, а бани теплые в Искьи с купаньем в морской воде на прохладном берегу Каstellамаре укрепят меня немного»; «Между тем как Неаполь беспрестанно пустеет, иностранцы разъезжаются, и солнце становится нестерпимо, я хвораю, любезная тетушка; три недели сидел между четырех стен с раздутым горлом и имел время думать о Вас».*  
(Письмо Е.Ф. Муравьевой.)

Сталкивается Батюшков и с материальными проблемами, о которых пишет сестре Александре, настойчиво напоминая о необходимости регулярной присылки денег из России:

*«Теперь начинаю помышлять о моих финансах... Здесь не знаю, что прожить буду, но менее десяти тысяч на наши деньги невозможно. Жизнь дешева, нельзя жаловаться. Прекрасный обед в трактире лучшем мы платим от двух до трех рублей, но издержки непредвиденные и экипаж очень дорого обходятся. Здесь иностранцев каждый долгом поставляет обшчитать, особенно на большой дороге. Как бы то ни было, надеюсь с помощью Божией прожить без долгов и не нуждаясь; желаю только маленькие доходы мои получать вовремя...»*

Летом 1819 г. русское правительство назначило в Неаполь нового посланника – графа Густава Оттовича Штакельберга. Новый посол, нанявший для русского представительства большие апартаменты на набережной Киайя, поначалу благоволил к Батюшкову и даже позволил ему уехать на несколько недель подлечиться на близкий к Неаполю остров Искья, слававшийся с античных времен своими термальными источниками. С Искьи Батюшков писал в Россию В. А. Жуковскому:

*«Я не в Неаполе, а на острове Искья, в виду Неаполя; купаюсь в минеральных водах, которые сильнее Липецких; пью минеральные воды, дышу вулканическим воздухом, питаюсь смоквами, пекусь на солнце, прогуливаюсь под виноградными аллеями (или омеками) при веянии африканского ветра и, что всего лучше, наслаждаюсь великолепнейшим зрелищем в мире: предо мною в отдалении Сорренто – колыбель того человека <Т. Тассо. – А.К.>, которому я обязан лучшими наслаждениями в жизни; потом Везувий, который ночью извергает тихое пламя, подобное факелу; высоты Неаполя, увенчанные замками; потом Кумы, где странствовал Эней, или Вергилий; Байя, теперь печальная, некогда роскошная; Мизена, Поццуоли и в конце горизонта – гряды гор, отделяющих Кампанию от Аbruццо и Апулии. Этим не ограничится вид с моей террасы: если обращу взоры к стороне северной, то увижу Гаэту, вершины Террачины и весь берег, протягивающийся к Риму и исчезающий в синеве Тирренского моря. С гор сего острова предо мною, как на ладони, остров Прочида; к югу – Капри, где жил злой Тиверий... Ночью небо покрывается удивительным сиянием; Млечный Путь здесь в ином виде, несравненно яснее. В стороне Рима из моря выходит страшная комета, о которой мы мало заботимся. Такие картины пристыдили бы твое воображение. Природа – великий поэт, и я радуюсь, что нахожу в сердце моем чувство для сих великих*

зрелищ; к несчастью, никогда не найду сил выразить то, что чувствую: для этого нужен Ваш талант... Посреди сих чудес, удивись перемене, которая во мне сделалась: я вовсе не могу писать стихов... Италия мне не помогает: здесь умираю от холоду, что же со мной будет на севере? Не смею и думать о возвращении. По приезде моем жарко принялся за язык итальянский, на котором очень трудно говорить с некоторою приятностию и правильностию нам, иностранцам. Но это для меня было бы не бесполезно, почти необходимо во всех отношениях; я хочу короче познакомиться с этой землею, которая для меня во всех отношениях становится час от часу любопытнее. Для самой пользы службы надобно узнать язык земли, в которой живешь. Вот почему все внимание устремил на язык итальянский и, верно, добьюсь если не говорить, то по крайней мере писать на нем. Между тем, чтобы не вовсе забыть своего... я пишу мои записки о древностях окрестностей Неаполя, которые прочитаем когда-нибудь вместе... Когда-нибудь послужит этот труд, ибо труд, я уверен в этом, никогда не потерян. Итак, все дни мои заняты совершенно. В обществе живу мало, даже мало в него заглядываю, кроме того, которое обязан видеть. Театр для меня не существует, и я в Неаполе не сделался неаполитанцем: вот моя история, милый друг... Здесь, на чужбине, надобно иметь некоторую силу душевную, чтобы не унывать в совершенном одиночестве. Друзей дает случай, их дает время. Таких, какие у меня на севере, не найду, не найду здесь. Впрочем, это и лучше!»

По возвращении с Искьи Батюшков писал в Россию:

*«О себе Вам скажу, почтенная тетушка, что я возвратился из Искьи в Неаполь. Здоровье мое поправилось после минеральных бань, и желаю только, чтобы это продолжалось. Я уже писал к Вам о прибытии нашего нового министра, который ко мне довольно благосклонен и хорошо расположен, по видимому. Я, с моей стороны, ничего не хочу упустить, чтобы заслужить его уважение, для меня лестное. Теперь за отсутствием моего товарища он иногда заставляет меня работать. Впрочем, Неаполь, к которому я мало-помалу привыкаю, точно такой, каким я его оставил. Еще балы не начались, и даже театры по случаю поста в память св. Януария были заперты. Их заменили концерты, которые не всегда удачны. Поверите ли, что здесь, в отечестве музыки, перевелись хорошие голоса...»*  
(Письмо Е.Ф.Муравьевой, сентябрь 1819 г.)

*«Недавно начались оперы, и в Сан-Карле кричат по-прежнему: кричат, ибо здесь давно перестали петь. Везувий по ночам выбрасывает пламя, и я собираюсь прислать Вам несколько портретов этого проказника. Мы ожидаем тучу англичан из Северной Италии и из Альбиона».*  
(Письмо А. И. Тургеневу 3.10.1819.)

Стараясь ободрить пребывающего в глубокой меланхолии Батюшкова (а возможно, и подвигнуть его на новое сочинительство), всегда благоволивший к поэту Н.М. Карамзин писал в Неаполь:

*«Зрейте, укрепляйтесь чувством, которое выше разума: оно есть душа души – светит и греет в самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами ли, прозою ль, только с чувством: все будет ново и сильно. Надеюсь, что теперь уже замолкли Ваши жалобы на здоровье, что оно уже цветет и плодом будет милое дитя с венком лавровым для родителя: поэма, какой*

*не бывало на святой Руси! Такли, мой добрый поэт? Говорю с улыбкой, но без шутки. Сохрани Вас Бог еще хвалить лень, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мне Батюшкова, чтоб я видел его, как в зеркале, со всеми природными красотами души его, в целом, не в отрывках, чтобы потомство узнало Вас, как я Вас знаю, и полюбило Вас, как я Вас люблю. В таком случае соглашаюсь долго, долго ждать ответа на это письмо. Спрошу: что делает Батюшков? Зачем не пишет ко мне из Неаполя? И если невидимый гений шепнет мне на ухо: Батюшков трудится над чем-то бессмертным, то скажу: пусть его молчит с друзьями, лишь бы говорил с веками!»*

Между тем известны лишь два стихотворных фрагмента, сочиненных Батюшковым на берегах Неаполитанского залива. Один из них написан во время путешествия к античным развалинам в Байи (недалеко от Неаполя) в мае 1819 г.:

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы  
При появлении Аврориных лучей,  
Но не отдаст тебя багряная денница  
Сияния протекших дней,  
Не возвратит убежищей прохлады,  
Где нежились рои красот,  
И никогда твои порфирны колоннады  
Со дна не встанут синих вод.

Другое стихотворение, написанное Батюшковым в Неаполе летом 1819 г., является вольным переложением одной из песен из «Странствий Чайльд-Гарольда» Байрона:

Есть наслаждение и в дикости лесов,  
Есть радость на приморском бреге,  
И есть гармония в сем говоре валов,  
Дробящихся в пустынном беге.  
Я ближнего люблю, но ты, природа мать,  
Для сердца ты всего дороже!  
С тобой, владычица, привык я забывать  
И то, чем был, как был моложе,  
И то, чем ныне стал под холодом годов.  
Тобою в чувствах оживаю:  
Их выразить душа не знает стройных слов,  
И как молчать об них – не знаю.

Работе Батюшкова в Неаполе мешали не только болезни, но и внешние обстоятельства. Весна и лето 1820 г. были в Неаполе необычайно жаркими, даже по местным меркам. Батюшков писал Е.Ф. Муравьевой, что его здоровье «от несносных жаров очень расстроилось», что «такого жаркого лета здесь еще не видали», что «в течение последних месяцев почти не было дождя» и что вскоре он «отъезжает в Кастель-Амару, за город, куда от зноя все бегут». Но в июле 1820 г. в Неаполе вспыхнули массовые волнения; по решению Европейского конгресса в Лайбахе против восставших неаполитанцев были посланы австрийские войска. Ухудшились и отношения Батюшкова с начальством: потомственный дипломат, выходец из старинного лифляндского рода, граф Штакельберг был суровым и педантичным начальником, требовавшим от подчиненных беспрекословного повиновения. Самолюбие Батюшкова, хотя он и не слишком усердствовал на службе, несомненно, страдало: по-видимому, уже с начала 1820 г. он неодно-

кратно просил разрешения уехать для лечения на воды в Германию или хотя бы перевестись в Рим, однако регулярно получал отказ. Осложнившаяся политическая ситуация в Королевстве Обеих Сицилий (в результате которой граф Штакельберг был вынужден на некоторое время покинуть Неаполь) способствовала Батюшкову – в конце концов он получил разрешение на перевод в римскую миссию, в подчинение посланника в Риме, семидесятисемилетнего Андрея Яковлевича Италинского – ветерана русской дипломатии, человека поистине энциклопедических знаний. В середине декабря 1820 г. Батюшков передал Италинскому письмо (на французском языке) следующего содержания:

*«Господин посол! Его превосходительство граф Штакельберг, у которого я имел честь служить, повелел мне, перед тем как самому покинуть Неаполь, отправиться в Рим. Поскольку волканический воздух Неаполя вреден для меня, я уже давно желал бессрочного отпуска или перевода в другую миссию, о чем и просил своего начальника. Теперь, когда я в Риме, я почел бы свои заветные желания исполненными, если бы Вы, Ваше превосходительство, соизволили удовлетворить мою весьма смиренную и почтительную просьбу удостоить меня чести продолжать Императорскую службу под Вашим покровительством и ходатайствовать за меня в министерстве о милости быть причисленным к миссии Вашего превосходительства. Остаюсь с почетом, господин посол, Вашего превосходительства смиренным и покорнейшим слугой. Батюшков».*



Набережная Къйяя (гравюра начала XIX в.).

Мудрый Италинский, по-видимому, сразу понял, что ходатайство Батюшкова о переводе в Рим – не что иное, как способ ухода (хотя бы временного) со службы. О дальнейших событиях биографа Батюшкова Л. Н. Майков писал:

*«Италинский отнесся к больному поэту с большим участием и написал графу Нессельроде, уже сменившему Капо д'Истрия в управлении министерством иностранных дел, письмо, в котором в самых теплых выражениях говорил о тяжелой болезни Батюшкова и его необыкновенных дарованиях и просил разрешить ему бессрочный отпуск для излечения и увеличить получаемое им содержание. Письмом от 28 апреля 1821 года граф*

*Нессельроде уведомил Италийского, что на его ходатайство о Батюшкове последовало в Лайбахе милостивое согласие Государя».*

Всего полгода (с декабря 1820 г. до мая 1821 г.) Батюшков прожил в Риме, в скромной квартире на Пьяцца дель Пополо. Психическое здоровье его постоянно ухудшалось, вернулись галлюцинации. Последующее лечение на водах в Германии не принесло улучшения. В 1822 г. больной Батюшков вернулся в Россию. На неловкий вопрос одного из друзей, что написал он нового, он ответил:

*«Что писать мне и что говорить о стихах моих? Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!»*

Батюшкова, в те годы несколько раз покушавшегося на самоубийство, пытались лечить и в Крыму, и на Кавказе, и за границей, однако безрезультатно – психическое расстройство усиливалось.

Помешавшийся Батюшков прожил еще тридцать лет среди родных в своем вологодском имении. Он умер в 1855 г. от тифозной горячки и был похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре.

## Сильвестр Феодосиевич Щедрин

Сильвестр Феодосиевич Щедрин (13.01.1791, Петербург – 8.11.1830, Сорренто близ Неаполя) – художник-пейзажист. Отец, Феодосий Федорович Щедрин, – скульптор, стажировался в Риме и Париже, позднее принимал участие в скульптурном оформлении Адмиралтейства, фонтанов Петергофа, Биржи и Казанского собора. Дядя – Семен Федорович Щедрин, придворный пейзажист Екатерины II и Павла I; учился в Париже, потом четыре года в Риме; несколько лет возглавлял пейзажный класс Академии художеств, автор декоративных полотен с изображением парков Гатчины, Павловска, Петергофа. С. Щедрин, уже будучи в Италии, вспоминал, как покойный дядюшка водил его маленького в Эрмитаж и он, «пропуская все картины», подолгу рассматривал картины Каналетто, поражаясь искусству итальянца строить перспективу и изображать воду.

В 1800 г. С.Щедрин стал воспитанником Академии художеств, а в 1811 г. окончил ее с золотой медалью, получив право на оплачиваемую заграничную стажировку. Из-за начавшейся новой войны с Наполеоном поездка была отложена, и лишь в июне 1818 г. Щедрин вместе с другими русскими стажерами (С.Гальбергом, М.Крыловым, В.Глинкой и В.Сазоновым) отправился в Италию.

Русские стажеры («пенсионеры») приехали в Рим в середине октября 1818 г. и с трудом нашли комнаты в переполненном интернациональном «квартале художников» у Монте Пинчио по адресу: Via della Purificazione, № 61. С. Гальберг вспоминал:

*«Изрядные и дешевые две комнаты достались Глинке и Подчаишскому <архитектору-поляку>, а я, бедный и разборчивый, но бессловесный, и Щедрин должны были, наконец, оба поместиться в одной тесной каморке, где и спим оба в одной постели, но это продолжится только до будущего месяца, а там старушка хозяйка наша обещала нам очистить еще одну комнату».*

Весной-летом 1819 г. Щедрин пишет с природы римские виды, а также водопады в местечке Тиволи под Римом. Именно пейзажи с изображением водных каскадов приносят первый успех русскому художнику:

*«Все ищут в моих картинах воду, ибо многие знатоки нашли, что я одну пишу удачно, в самом деле я имею к оному склонность, почему и выезжаю в места, где есть реки и каскады...»*

Для развития своего таланта Щедрин мечтает поехать поработать у моря, на берегах Неаполитанского залива, но средств на эту поездку не хватает. Помог случай: путешествовавший в те месяцы по Италии двадцатилетний великий князь Михаил Павлович заказал Щедрину несколько неаполитанских видов, поручив отъезжающему в Неаполь К.Н.Батюшкову, командированному в то время к русской дипломатической миссии, организовать работу Щедрина на месте. В марте 1819 г. Щедрин писал отцу:

*«Вы знаете, как я желал быть в Риме, а приехавши, стал рассчитывать, как бы побывать в Неаполе. Непредвиденный случай мне благоприятствовал... На обратном пути великого князя из Неаполя он призвал к себе и встретил сими словами: „Поезжайте в Неаполь и сделайте два вида водяными красками; Батюшкову поручено показать вам места“. Через несколько дней объявили мне цену, вполне царскую, то есть 2500 рублей. Без этого неожиданного поручения мне трудно бы было на один пенсioen прожить в Тиволи или во Фраскати, а уж тем более ехать в Неаполь. Батюшков же прислал мне сказать, что он у себя приготовит мне комнату и с прислугой, – и мне очень приятно находиться с человеком столь почтенным».*

В середине июня 1819 г. Щедрин приехал почтовым дилижансом в Неаполь. Переночевав в городской гостинице («трахтире»), он наутро 16 июня представился русскому посланнику, а затем поселился в квартире Батюшкова на набережной Санта-Лючия. О своих первых впечатлениях от Неаполя Щедрин писал:

*«Я живу на берегу морском, в самом прекраснейшем и многолюднейшем месте, ибо тут проезд в Королевский сад; под моими окнами ставят стулья для зрителей; на берегу множество разносчиков с устрицами и разными рыбами, крик страшный зевак, продающих тухлую минеральную воду, которую тут же черпают и подают проезжающим и проходящим. Зато целую ночь крик, и надобно привыкнуть, чтобы спать спокойно. Для меня противен разговор неаполитанцев, все, кажется, плачут или дразнятся, и язык самый худший из всей Италии. Но здесь в употреблении французский, и в трактирах все люди говорят по-французски. Жить здесь дороже, нежели в Риме, зато все на большую ногу, все убрано, украшено, хоть не везде хорошо; но квартиры чувствительно дороже».*

Письма Батюшкова, близко наблюдавшего в то время Щедрина, говорят о том, что уже к весне 1820 г. неаполитанские пейзажи Щедрина постепенно завоевывают признание ценителей живописи и богатых заказчиков. Батюшков писал, в частности, что Щедрин «довольно прилежен, ведет себя прекрасно и колотит деньгу», а среди его первых заказчиков были русские – князь А. М. Голицын и посланник в Неаполе граф Г. О. Штакельберг. К лету 1820 г. Щедрин закончил и картины, заказанные ему великим князем, и смог предпринять первые одиночные поездки (верхом на ослике) вдоль Неаполитанского залива, где писал этюды. Именно в те месяцы были созданы первые, глубоко оригинальные картины с видами Каstellамаре, Вико, большой и малой гаваней в Сорренто, быстро принесших Щедрина славу лучшего пейзажиста Неаполя и вызвавших впоследствии массу подражаний.

В середине сентября 1820 г. Щедрин съезжает от Батюшкова и поселяется неподалеку, тоже на Санта-Лючия, в собственной, достаточно дорогой квартире (здесь он потом жил всякий раз, останавливаясь в Неаполе):

*«Здесь к квартирам нет приступу, а улице, если местоположение хорошее; правда, можно в улицах сыскать довольно сходные, но зато (с позволения сказать), как свинье, и на небо не удастся взглянуть, что для живописца ландшафтного совсем невыгодно... Итак, я опять живу на набережной Санта-Лючия, на самом лучшем месте из целого Неаполя, вид из окошка имею прелестнейший: Везувий, как говорится, на блюдечке, море, горы, живописно расположенные строения, беспрестанное движение народа, гуляющего и трудящегося – все сие мне показалось наилучшим местом для пейзажиста. За то плачу 18 дукатов, что составляет около 75 скуди в месяц».*

*(Письмо родным, сентябрь 1820 г.)*

В своих письмах в Россию Щедрин рассказывает и о своем быте, и о круге своего общения в Неаполе:

*«Здесь, маменька, совсем не то, что у немцев, – там все тихо, в самых больших собраниях сидят так смирно, как будто все спят, а здесь шум, крик, говорят все громко, а как начнут все браниться, то выноси всех святых... Хорошо, что итальянцы, разговаривая, употребляют много жестов: говоря о бездельце, подумаешь, что он говорит об войне гишпанцев и мавров»; «Здесь мало pittore <художников> первоклассных, с некоторыми я знаком довольно коротко, а с другими веду шляпное знакомство в кафе Sobetto, куда собираются иностранцы по вечерам; к сему шляпному знакомству принадлежат архитекторы немецкие, да и нет приступу к их разговорам, так гамкают, что сам черт не разберет»; «Здесь все русские, имея нужду купить что-нибудь, адресуются к грекам, которые оное охотно исполняют, а без них и Боже упаси, хуже наших гостинодворцев, облупят как Сидорову козу, но с тою разницею противу наших сидельцев, что гораздо глупее, и наш мальчишка проведет всякого неаполитанца, который обманывает столь грубо, что нельзя не смеяться, и если даешься ему в обман, то не из другого, как жалея его простоты и нищенства, и к чести Неаполя надо приписать то, что*

*вы здесь ничего не найдете хорошего, чтоб было их собственное произведение, ибо что есть, то это им доставляет или природа, или иностранцы».*



Сорренто. На вершине скалы – отель «Tasso», где часто останавливался и в 1830 г. скончался С. Ф. Щедрин (фото конца XIX в.).

Массовые народные волнения в Королевстве Обеих Сицилий заставили многих иностранцев в начале 1821 г. покинуть Неаполь и перебраться в Рим. Хотя англичане и французы предоставили свои корабли для эвакуации всех желающих в порт Чивитавеккья, Щедрин предпочел с группой немецких живописцев (как он выразился в одном из писем, «целою ватагою пруссаков-художников») добираться до Рима сухим путем. В марте 1821 г. он писал родным уже из Рима:

*«Наконец, пришлось покинуть прелестный Неаполь, хотя не было никакой опасности и выдан был указ, в коем объявляют иностранцам, что оные могут оставаться спокойно; но кто может поручиться за беспорядки между разгоряченными неаполитанцами, которые слишком расхрабрились... Отъезд мой сопряжен был с хлопотами, в рассуждении моих картин. Кто был в Неаполе, тот знает, какие мытарства должно переходить. Во-первых, должно все вывозимые картины и этюды представить директору Музеума, который даст свидетельство, что вывозимые картины не есть антические, и за это должно заплатить два дуката (то есть два рубля серебром)...»*

Холодная строгость папского города разительно контрастировала с веселым и шумным Неаполем, с которым Щедрин успел сродниться:

*«Я избаловался в Неаполе, тишина римская для меня кажется чрезвычайной; пище в пост, для экономии это очень хорошо, в Неаполе всякий вечер сидишь в театре, а здесь некоторые вечера с учителем итальянского языка, а иногда в кафе играем в домино... Сижу у себя в студии и повторяю виды неаполитанские по заказу; представляющие часть Неаполя с Везувием, писанным для великого князя, и до сей поры еще находятся охотники, – некоторых*

*мне удалось склонять на что-нибудь новенькое, но тут беды нет: „как не зови, только хлебом корми“...»*

Срок пенсионерства Щедрина (и так уже к тому времени продленный) окончательно истек в 1823 г. Однако, став уже известным и даже модным в Италии художником, Щедрин теперь мог прожить и без правительственной пенсии. К тому же он обзавелся в Италии влиятельными покровителями (первый среди них – граф Василий Алексеевич Перовский), которые могли смягчить высочайшее неудовольствие от невозвращения художника в Россию. И Щедрин принял решение остаться в Италии:

*«В этих годах сидеть дома, да еще ландшафтному живописцу, – это лучшее время моей жизни, что я нахожусь в чужих краях между хорошими художниками всех наций, между товарищами и приезжающими русскими, которые оказывают возможные ласки. А в Петербурге что бы я был? Рисовальный учитель, таскался бы из дома в дом и остался бы навсегда в одном положении, нисколько не подвигаясь вперед...»*

В Риме Щедрин хотя и много работает (как в самом городе, так и в ближайших к нему маленьких городках – Тиволи, Альбано, Фраскати, Субиако), однако все время мечтает о возвращении в Неаполь:

*«Неаполь для меня нужен. Я никогда не могу забыть сего прелестного местоположения».*

Наконец 13 июня 1825 г. он вновь приехал в Неаполь. В те дни он написал брату:

*«После двухлетних сборов возвратился в Неаполь, мне удалось, так сказать, вырваться из Рима, который я оставил 11-го числа нынешнего месяца. Мы благополучно приехали в третий день, зато должен был провести одну ночь на понтийских болотах в скверном постоялом доме, что также для меня было не противно, ибо случилось в первый раз в моем путешествии спать. Романические мыши летучие, пехотные клопы, блохи и комары не давали сомкнуть глаз; это маленькое путешествие я сделал с А. Тоном «братом архитектора К. Тона. – А.К.» и теперь живем вместе в трахтире, но скоро по делам должны будем разъехаться, я отправлюсь в Сорренто, а Тон в Поццуоли».*

На берегах Неаполитанского залива прошли последние пять лет жизни Щедрина: в холодные месяцы он жил в самом Неаполе, а с апреля по октябрь работал на природе в маленьких городках вдоль побережья Тирренского моря (Кастелламаре, Вико, Сорренто) и на окрестных островах, возвращаясь в город обычно к середине октября – началу ноября. Именно в эти годы были написаны лучшие картины Щедрина – пейзажные виды Неаполя, Сорренто, Капри, Амальфи, а также пейзажи, объединенные в тематические серии – «Террасы», «Веранды», «Гроты»...

19 января 1825 г. в России умер отец художника – Ф.Ф.Щедрин. В декабре скончался император Александр и по случаю восшествия на престол Николая I все русские в Неаполе приняли присягу в присутствии министра-посланника. Изменился и сам город: австрийская оккупация привела к тому, что богатые путешественники стали меньше приезжать в Неаполь, а местное население еще более обеднело. 18 февраля 1826 г. Щедрин писал матери:

*«Театры заперты, на пристани неаполитанской нет большие гаеров, буратинов, пультинелей, и вечер не знаешь куда деваться, словом сказать, Неаполь сам на себя не похож, и я скучаю по Риму, утешаюсь только мыслю, что время приближается, когда я должен буду выехать за город... Также и нищих умножилось, я видал молодых людей, хорошо одетых, просящих подавание; по вечерам же целые семейства стоят на перекрестках больших улиц, в некоторых местах стоят мужчины, держа шапку в руке, с покрывшею головою платком, чтобы не быть узнаваемыми...».*

Щедрин в те месяцы находится в апогее своего успеха: его картины отлично раскупаются; чуть ли не каждый житель Неаполя и окрестных городков знает и любит «дона Сильвестро». Но художника все более мучает болезнь, которая через несколько лет сведет его в могилу:

*«...Болезнь моя была совершенно неаполитанская, разлитие желчи, чем здесь многие страдают. Доктор мне советовал много ходить, а другой – совсем быть без движения; а я ждал хорошей погоды, чтобы выехать за город... Какие здесь мерзкие погоды, вы себе представить не можете, – беспрестанные дожди, сырость, холод и ни одной души русско-христианской нет в Неаполе».*

*(Письмо родным 1826 г.)*

Летом 1827 г. Щедрин провел два месяца на острове Капри, где много писал с натуры, потом отправился в Сорренто и Вико:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.